

УДК 821.161.1

С. В. Свиридов

«ПРЕКРАСНАЯ ПОДДЕЛКА»:
К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОЙ УЛИЧНОЙ ПЕСНИ

Приводятся доводы в пользу авторского происхождения песни «Когда с тобой мы встретились, черемуха цвела...», традиционно относимой к городскому фольклору.

This article proves that the song "When we met, bird cherry tree was in bloom", which is traditionally perceived as a piece of urban folklore, is an authored work.

163

Ключевые слова: песня, фольклор, городской фольклор, блатной фольклор, стилизация.

Key words: song, folklore, urban folklore, criminal folklore, stylisation.

Песня «Когда с тобой мы встретились, черемуха цвела...» — одна из самых «сомнительных» в ряду песен, традиционно относимых к блатному фольклору. Ее считают воровской по происхождению и включают во все собрания текстов блатной песни [2; 3]. Абрам Терц (А. Д. Синявский) в своем известном эссе несколько раз приводит ее как характерный пример блатной поэтики [7, с. 77, 82, 94, 116.]. Однако народное происхождение этой песни неоднократно ставилось под сомнение исследователями, собирателями и знатоками фольклора. Алексей Козлов, выросший в Москве в послевоенные годы и прекрасно знающий уличную песню, называет «Когда с тобой мы встретились...» «прекрасной подделкой» [5]. В ряде источников ее авторство приписывается Андрею Тарковскому [2] со ссылкой на воспоминания Артура Макарова. В. Новиков, правда, склонен связывать эту версию с шуткой Тарковского [6, с. 33]. При этом сам А. Терц в воспоминаниях, относящихся к 1966—1971 гг., с удивлением отмечал, что в тюрьме песню «Когда с тобой мы встретились...» не знают и не поют [8, с. 451].

Детальный анализ песни «Когда с тобой мы встретились...» убеждает, что она действительно не относится к старому блатному фольклору, а создана неким энтузиастом (вероятно, не из числа «блатных») в 1950-е или начале 1960-х гг.

К сожалению, объем краткого сообщения не позволяет нам всесторонне обосновать это, а также привести реконструированный текст песни, поэтому мы вынужденно ограничимся тезисным изложением наших доводов.

1. Первые датированные записи «Когда с тобой мы встретились...» относятся к началу 1960-х гг.¹, достоверных сведений о более раннем

¹ Мы учитываем только варианты текста, опубликованные в собраниях Ефимова и Бройдо, а также фонограмму исполнения В. Высоцкого — всего восемь вариантов, записанных в промежутке от 1960-х до 1990-х гг. Песня цитируется по указанной фонограмме.

существовании песни нет. Вероятно, самая старая запись — фонограмма В. Высоцкого, датируемая периодом от 1961 до 1963 г. [4, с. 162].

2. В ранних записях песни имеются фрагменты, избыточные для ее сюжетного развития и исчезающие в ходе фольклорного варьирования текста.

Блатная песня сосредоточена на действии и не допускает замедлений сюжетного развертывания. Ее сюжет складывается, во-первых, собственно как последовательный ряд изображаемых событий, во-вторых, как экспликация метасюжета «воровской судьбы», события которого — суть моменты изменения бытийного статуса героя (в мифологическом подтексте синонимичные смерти / перерождению). Это может быть становление вором, утрата свободы, возвращение свободы (побег или амнистия), потеря воровского статуса, смерть. Все композиционные элементы песни выражают те или иные элементы сюжета и/или метасюжета.

Ранние варианты «Когда с тобой мы встретились...» являются самыми длинными — двенадцать строф. В позднейших записях выпадают прежде всего три строфы, не имеющие событийного содержания, а описывающие психологическое состояние героя, совершившего двойное убийство в припадке ревности. Все три «психологические» строфы присутствуют только в исполнении В. Высоцкого, в остальных случаях опущена либо одна из них, либо две.

3. Единственное содержащееся в выброшенных строфах событие — похороны: «Когда вас хоронили, ребята говорили, // Все плакали, убийцу проклиная». Но изображение «цивилизованной» похоронной церемонии для блатной песни совершенно неорганично. Печальный обряд соответствует общепринятой культурной норме, он символически подчинил бы вора «фраерскому» культурному коду. Соответствующие «блатной» культурной парадигме похороны — это погребение в чистом поле (открытом пространстве) — как в песнях «С одесского кичмана» [1, с. 71; 2; 3], «Этап на Север, срока огромные...» или «Завезли нас в края отдаленные...» [2]. Один из «знаковых» текстов блатной традиции — «Гоп-со-Смыком» [1, с. 59; 2; 3], утверждает особую воровскую посмертную судьбу и особое воровское бессмертие.

4. Блатная песня не может отводить психологической характеристике значимое сюжетное место, для нее любой, даже самый сильный аффект — всего лишь функция, связанная не с индивидуальностью героя, а с его воровским статусом. В песне «Когда с тобой мы встретились...» душевное состояние героя является самостоятельным предметом изображения (в трех «психологических» катренах).

5. Блатная песня сталкивает героев различного статуса (воров и «фрайеров», воров и государство, «законного» вора и предателя), но не допускает конфликт героя с его же статусом (с самим собой или с воровской общиной), так как не представляет другой идентичности кроме воровской, общинной. В рассматриваемой песне это «единство конфликта» не соблюдается. Герой «воровать боялся, как ни странно». И в самом деле, странно: ведь культурный код «преступного мира» не допускает такого страха ни при каких стрессовых мотивациях. Если вор боится воровать, он утрачивает статус и культурное бытие. В другом месте, на похоронах, «все плакали, убийцу проклиная». Даже если плакальщики не воры и убитый не был «блатным», этим стихом вводится

общественная точка зрения, которая в блатной песне не может иметь никакого авторитетного значения. Если же жертва из числа «своих», то перед нами конфликт вора и его социальной среды.

6. В блатной песне на сюжет «кара за измену» жертвой бывает только сама изменница, но не ее избранник («Друзья, расскажу вам...» [2; 3], «Я родился на Волге...» [2; 3], «Не губите молодость, ребяташки...» [1, с. 35; 2; 3] и др.). Мужчина и женщина в воровской культуре обладают совершенно разным статусом, а двойное убийство их уравнило бы. «Блатной мир» был сообществом родовым и патриархальным, в котором полноценным социальным статусом обладали мужчины, наследующие «воровскую кровь» по отцовской линии. Женщина же — потенциальный источник власти, соперничающей с силой «закона», и агент семьи как социального института, запретного для воров. Песни о соблазнительнице, погубившей вора (как и песни о доносчице, подобные «Мурке [1, с. 22–26; 2; 3]), доказывают опасность женщины для «блатаря» («Не губите молодость, ребяташки...», «Была ты с фиксою, когда тебя я встретил...»² [2; 3], «Друзья, расскажу вам...»). Вина за «преступления страсти» возлагается в блатной песне на женщину-соблазнительницу, а герой отрекается от наваждения и тем самым сохраняет свой культурный статус. В нашем же случае герой даже перед грозящей казнью думает только о загробной встрече с предметом своей страсти.

7. По канонам блатного фольклора женщина-соблазнительница характеризуется только со стороны ее привлекательности («Ох и девка была! Словно розы цветок, // Словно в сказке ночная фиалка» [2]); ее речь либо отсутствует, либо сводится к репликам, выражающим ее сюжетную функцию — завлечение и погубление («Ты подошла ко мне похабно походочкой // И тихо на ухо шепнула мне: “Пойдем...”» [2]). В нашем же случае внешнее описание женщины отсутствует, значит, отсутствует и мотивация безумной любви, зато самой героине романа отдана критическая реплика: «...жизнь блатная хуже, чем отрава».

8. Повествовательная форма текста — риторическое обращение к умершей собеседнице — носит выражено литературный характер и в блатной песне практически никогда не встречается. Форма второго лица в последней всегда имеет «реалистическую» сюжетную мотивацию: обычно это письмо, реже — обращение одного героя к другому.

9. Текст «Когда с тобой мы встретились...» включает ряд перефразированных фрагментов из блатных песен, бывших широко известными к 1950-м гг. Сюжет в целом основан на песне «Не губите молодость, ребяташки...» Сравним также: «А было мне тогда еще совсем немного лет, // Но дел уже наделал я немало» — «Он был красив и молчалив, // Но в жизни сделал много злого» («Шумел бушующий камыш...» [2]); «Лепил за скоком скок я, а наутро для тебя // Хрусты кидал налево и направо» — «Воровал день и ночь, как цыганку одел, // Кидал деньги налево, направо» («Я родился на Волге...» [3]); «И вот меня побрили, костюмчик унесли, // Теперь на мне тюремная одежда» — «Костюмчик серенький, колесики со скрипом // Я на тюремный на халатик променял» («Костюмчик серенький» [3]).

² Поскольку первый стих песни широко варьируется, мы условно называем ее «Костюмчик серенький», по самой известной и стабильной строке.

10. Мы не будем детально описывать лексико-стилистические и поэтические несообразности стилизованного текста. Стоит обратить внимание хотя бы на пассивную конструкцию «взят был опергруппою», вводную конструкцию «как ни странно», на регулярную внутреннюю рифму в некоторых строфах.

Итак, «Когда с тобой мы встретились...» — авторская имитация блатной песни. Благодаря удачной стилизации песня фольклоризировалась, но расценивать ее как аутентичный пример «старого» блатного фольклора нельзя. Не исключено, что песня была создана в кругу В. Высоцкого во времена его учебы в Школе-студии МХАТ (1956—1960 гг.). К этому кругу проявлял внимание А. Д. Синявский, преподававший в Школе-студии русскую литературу. От своих студентов он мог узнать песню «Когда с тобой мы встретились...» и принять ее за фольклорную.

Рассмотренный случай убеждает в том, что на современном этапе изучения песенности (фольклорной и авторской) историк литературы должен опираться не на приблизительные представления о «песнях городских дворов и окраин», а на возможно более конкретное и предметное знание традиций городского фольклора.

Список литературы

1. *Блатная лира*: сб. тюремных и лагерных песен / сост. Я. Вайскопф. Иерусалим, 1981.
2. *Блатной фольклор*: [сайт] / сост. И. Ефимов. URL: <http://www.blat.dp.ua/> (дата обращения: 05.04.2011)
3. *Боян*. Поэтическая речь русских: [сайт] / сост. А. Бройдо, Я. Кутьина, Я. Бройдо. URL: <http://www.daabooks.net/indexkoi.html> (дата обращения: 05.04.2011).
4. *Владимир Высоцкий*: каталоги. Кн. 1. / сост. А. Петраков. М., 2001.
5. *Козлов А.* Козел на саксе // Библиотека Максима Мошкова: [сайт]. URL: http://lib.ru/CULTURE/MUSIC/KOZLOV/kozel_na_saxe.txt (дата обращения: 05.04.2011).
6. *Новиков В. И.* Высоцкий. Калининград, 2010. (Серия «Жизнь замечательных людей»).
7. *Терц А.* Отечество. Блатная песня // Синтаксис. 1979. №4. С. 72—118.
8. *Терц А.* Спокойной ночи // Терц А. Собр. соч.: в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 337—609.

Об авторе

Станислав Витальевич Свиридов — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: textman@yandex.ru

About author

Dr. Stanislav V. Sviridov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: textman@yandex.ru